

УДК 802.4

ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЯЗЫКА В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ¹

Наталья Ириковна Береснева

д. филос. н., профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева 15, beresnevva@mail.ru

В статье проанализированы универсальные возможности языка, взятого в системно-структурном (семиотическом) аспекте. Язык как система знаков отличается чрезвычайно сложной иерархической структурой, которую принято представлять в виде ряда уровней. Из небольшого числа единиц низшего уровня (фонем) путем последовательного перехода ко все более высоким уровням создается возможность на высшем уровне (уровне текста) образовывать практически бесконечное число предложений. Однако такие схемы вызывают аналогию с бесконечным счетным рядом. В сравнении с потенциальной количественной бесконечностью язык в такой модели ограничен.

Ключевые слова: знаковые системы; язык как знаковая система; структура языка; реальность; бесконечность.

Рассмотрение языка как системы знаков выдвигает в качестве центральной проблему природы знака, значения, знака и модели, так называемых формализованных грамматик, различного рода трансформаций и т. д. Однако главной остается проблема соотношения знака и значения. Предметом давнего спора между отечественными учеными, занимающимися проблемами языкового знака, является вопрос: представляет ли собой языковой знак двустороннюю или одностороннюю сущность.

Признание знака двусторонней категорией означает признание мышления знаковым, что делает проблему познания бесконечной объективной реальности бессмысленной, поскольку «всякая мысль есть знак» [Peirce 1960: 538].

Вот что пишет по поводу теорий, полагающих, что билатеральная языковая единица является языковым знаком В.З. Панфилов: «Из положения о знаковом характере идеальной стороны языковой единицы неизбежно следует вывод (его и делают многие авторы) о знаковом характере специфически человеческого, т.е. абстрактного, обобщенного познания, вывод о том, что в процессе этого познания **не происходит отражения объективной действительности**» [Панфилов 1982: 58; см. также: Панфилов 1971]². В этом случае или по существу снимается сама проблема того, отражается ли объективная действительность в языковых значениях (а в конечном счете и человеческим мышлением в принципе), поскольку язык является средством его осуществления и существования, или даже «делают-

ся выводы о знаковом характере человеческого знания в целом» [Панфилов 1982: 60].

Сторонники подхода к знаку как к односторонней сущности (к которым следует отнести и самого В.З. Панфилова) считают, что «знак (языковой) есть выражающее: он материален; значение есть выражаемое: оно идеально. Между знаком и значением, с одной стороны, и объективной действительностью – с другой, существует другое отношение. Это – отношение обозначения для знака и отношение отражения для значения знака. Знак есть обозначающее, объективная действительность – отражаемое» [Ломтев 1960: 130]. Значение не входит в знак, но знак связан со значением.

Попытку снять противоречия сторонников односторонней и двусторонней теорий знака предпринял в свое время И.С. Нарский, который обращается к гегелевской диалектике тождества и различия, но главным образом опирается на методологию К. Маркса, использованную им для выяснения природы капитала (методологический прием введения, а затем разрешения противоречий). Считая исходной в спорах о значении антиномию знака и значения («значение отличается и не отличается от знака»), он расчленяет ее на две различные антиномии:

1) «значение находится и не находится в знаке»;

2) «значение находится и не находится в интерпретаторе знака».

При этом вторая антиномия перерастает в иную, а именно: «значение есть и не есть отно-

шение». И.С. Нарский обращается к гегелевской диалектике тождества и различия и выходит на функционально-оперативную концепцию значения, которая в снятом виде «включает предметную, образную, концептуальную и операционные концепции» [Нарский 1969а: 162] (см. также [Нарский 1969б]). Тем самым языковой знак «соединяется» с мышлением, реальностью и деятельностью.

Знак существует только в сопоставлении и противопоставлении с другими знаками, может функционировать только в рамках системы. Поскольку язык может быть интерпретирован как система знаков, посмотрим, как предстают универсальные возможности языка в таком (системном) семиотическом аспекте.

Инструментально-номенклатурный подход к языку как к сложной иерархической структуре означающих дает возможность увидеть его уникальные возможности по сравнению с другими знаковыми системами.

Рассматриваемый со стороны своей материальной формы, язык как знаковая система оказывается действительно уникальным явлением: это чрезвычайно экономное устройство для передачи огромного объема смысловой информации. Действие языка, в отличие, например, от сигнала, не ограничивается «умвелтом», а распространяется на весь бесконечный мир, что отражается в структуре его оппозиций «Я – Он», «Я – Мир». В то же время он (язык) выступает в качестве универсальной матрицы, служащей для создания множества искусственных знаковых систем. Остановимся более подробно на особенностях этого аспекта языка.

Наряду с известным свойством произвольности языкового знака, обеспечивающим ему гибкость и универсальность, следует назвать уровневое строение системы языковых знаков, которое сглаживает нагрузку на человеческую память, связанную с необходимостью запоминать бесконечное множество знаков. Язык как система знаков отличается чрезвычайно сложной иерархической структурой. Со времен Э. Бенвениста принято представлять ее в виде ряда уровней [Benveniste 1966]. Уровневая модель представляет языковую систему в виде классов однородных элементов. Единицы каждого вышележащего уровня включают единицы нижележащего³. Именно многоярусность языковой системы обеспечивает возможность выражения разнообразного, неисчерпаемого мыслительного содержания: «Количество единиц возрастает на каждом новом более высоком уровне. В результате из небольшого числа единиц низшего уровня (уровня фонем) путем последовательного перехода ко все более высоким уровням создается возможность на высшем уровне, принадлежащем

к суперзнаковому ярусу языка, образовывать практически **бесконечное** (выделено мной. – Н.Б.) число предложений, обеспечивающих использование языка в качестве универсального средства общения» [Общее языкознание 1983: 138]. Описывая дистрибутивный метод (разрабатываемый в структуралистских концепциях) в современных лингвистических исследованиях, Ю.С. Степанов замечает по этому поводу: «Все более широкие окружения захватывают все более длинные последовательности морфов: от одного морфа к сочетанию морфов, образующему слово, затем к сочетанию слов – синтагме, далее – к высказыванию, еще далее – к последовательности высказываний, образующей целое словесное произведение, наконец – к совокупности словесных произведений, составляющей “корпус” всего высказанного и написанного на данном языке. По мере расширения отрезков текста увеличивается и их набор: несколько десятков фонем, несколько сотен морфов, десятки тысяч слов, практически **бесконечное** количество сочетаний предложений в виде словесных произведений. Естественно, что где-то в разумных пределах этого **бесконечного** (выделено мной. – Н.Б.) ряда исследователю надо остановиться» [Степанов 2002: 92]. Подсчеты вроде 1) «несколько типов элементарных частиц дают свыше ста типов атомов, которые в свою очередь порождают около 180 тысяч неорганических и 2 млн органических веществ. На основе 100 химических элементов рождается значительно большее многообразие живых существ – свыше 1 млн видов» [Орлов 1974: 235] и 2) «русский язык, располагающий 39 фонемами, располагает теоретической возможностью создать 92 598 519 слов, не превышающих в своем составе 5 фонем. Это число значительно увеличится, если мы допустим возможность шестифонемных слов, не говоря уже о более длинных» [Аванесов 1945: 45] – однотипны. Экономное, системное, иерархичное устройство языка, как видим, «аналогично» устройству мира.

В наиболее четкой, законченной, наглядной и доказательной форме такой вариант объяснения бесконечных возможностей языка представлен в монографии В.В. Гриб «Проблема взаимосвязи образа и знака» [Гриб 1978], где приведены дополнительные аргументы в пользу доказательства универсальных возможностей языка, исходя из последних данных науки того времени.

Следует отметить в этой связи, что лингвисты неосознанно пользуются, не обращаясь к его дефиниции, понятием множества. Такие схемы, представленные в виде этажерок, спиралей, цепочек, вызывают аналогию с бесконечным счетным рядом, «дурной» (по Гегелю) бесконечностью, которые точнее следовало бы назвать

множеством, а не бесконечностью. Действительно, в сравнении с потенциальной количественной бесконечностью язык обладает ограниченностью, это все-таки счетное множество.

В подобных случаях, как пишет Ю.С. Степанов, «мы имеем дело с понятиями “фактической осуществимости” описания языка и “потенциальной осуществимости”, переходящей уже в осуществимость лишь абстрактно мыслимую, а в действительности не являющуюся ни фактической, ни даже потенциальной». Однако далее он констатирует, что «эти основания и вытекающие из них следствия остались неосознанными» [Степанов 2002: 93].

Односторонность, недостаточность, даже ограниченность подобных представлений о бесконечности была доказана еще Гегелем. Хотя стоит отметить, что языковой потенциал, представленный в структуралистских моделях языка, действительно огромен и язык представляется неисчерпаемым, это продемонстрировано, например, формальными порождающими моделями, начиная с Н. Хомского. Уже здесь проявляется радикальная незавершенность эволюции каждой ступени развития материи, когда фонд нереализованных возможностей на много порядков превосходит фонд реализованных, когда потенциал богаче того, что актуально реализовано [Эпштейн 2000: электр. ресурс].

Согласно концепции Н. Хомского, язык – это врожденный механизм для порождения бесконечного множества «правильных предложений» (произведенных в соответствии с правилами грамматики). Бесконечность возможностей языка трактуется как количественная бесконечность, бесконечность перебора правильных форм. В пределах заданных правильных форм (правил) языковой субъект обладает относительной свободой продуцирования языковых конструкций. По существу, именно такая неисчерпаемость возможностей языка и интерпретируется как бесконечность.

Следует сказать, что так понимаемая бесконечность языка еще более подчеркивает конечность человека, поскольку он не может использовать даже такую «бесконечность». Потенциально структура языка в качестве средства познания может усложняться, его резервы огромны, он «избыточен» в этом смысле, но сложность структуры не абстрактного, а функционирующего естественного языка имеет свои пределы. Ограниченные физиологические (артикуляционного аппарата, рецепторов) и психологические (объем памяти, внимания) возможности человека накладывают ограничения на количественную «неисчерпаемость» языка: человек использует только часть возможностей, заложенных в языке, в силу своей конечности, конечных возможно-

стей своей природы. Демонстрируя «бесконечность» языка, мы одновременно подчеркиваем конечность человека в использовании его возможностей, подходя тем самым к проблеме Канта «с другой стороны».

Проблема **конечного** человека и **бесконечного** мира еще более заостряется, если при этом объективный мир представляется экстенсивно – как бесконечное многообразие предметов и явлений, требующих наименования, обозначения. Даже если бы человек и смог использовать так понимаемые неисчерпаемые возможности языка, то и в этом случае он не смог бы схватить экстенсивную бесконечность мира, бесконечно превосходящую потенциальную мощь языка.

Но истинная бесконечность мира не является экстенсивной, она интенсивна. Но и такая бесконечность мира оказывается на много порядков выше, чем бесконечность языка, представленная в уровне модели, и не может быть «схвачена» языком. Как бы ни были безграничны его возможности, язык как система знаков все равно остается конечным и не может «угнаться» за количественной и качественной бесконечностью мира.

Кроме того, конечность рассматриваемого представления о языке как знаковой системе связана с его статичностью. В рамках этого подхода язык рассматривается как «ставшее», как замкнутая система, как заданность. Естественно, что понимаемая таким образом система не способна адекватно отражать бесконечный мир, атрибутом которого является динамика, подвижность, развитие. «Знаковость, объединяясь с системой, оказываются в равной мере уже двумя врагами истории», – писал Р.А. Будагов, рассматривая возможность языковой знаковой системы отражать общественные исторические процессы [Будагов 1983: 67].

Существует еще один аргумент в пользу универсальности языка как знаковой системы – это способность естественного языка осуществлять семиотическое (знаковое) моделирование, служить универсальной матрицей, на которой можно вторично построить практически неограниченное число разнообразных знаковых систем-субститутов [Benveniste 1966]. Иные знаковые системы строятся на основе естественного языка, могут быть сведены к нему и функционировать в контексте естественного языка. Кроме того, они имеют характер замкнутых статичных систем и строго ограниченную область использования. По существу, этот аргумент хотя и важен, не является принципиальным, поскольку, как утверждал А. Эйнштейн, все самое главное может быть выражено без языка математики (т.е. искусственного языка) (цит. по: [Попович 1975: 179–180]). Стоит в этой связи привести мнение А. Чёрча,

под которым подписались бы многие представители логики: «Разница между формализованным языком и естественным языком не является принципиальной, но состоит лишь в степени точности, достигаемой установлениями явных синтаксических и семантических правил, и устранением неясности и неопределенности» [Кюнз 1999: 32]. Следует в этой связи сделать небольшое, но принципиальное уточнение: язык не является **обычной** знаковой системой, и именно это обстоятельство делает его такой универсальной матрицей.

Причина бесконечности языка, в том числе и причина его возможности быть универсальной матрицей заключена не в его знаковом характере, а в его сцепленности с мышлением. Через посредство мысли происходит сближение языка с бесконечной реальностью и с реальностью бесконечного, ее отражение посредством обобщений и абстракций в диалектике отдельного, особенного, общего (всеобщего).

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-13-59007.

² Если, конечно, не включать в разряд знаков иконические знаки, как это делает Ч. Пирс.

³ Возможен и обратный порядок такой иерархической организации, при котором семантико-синтаксическая структура расчленяется на слова и/или морфемы, а те, в свою очередь, на фонемы и/или фонематические дифференциальные признаки. Нисходящая стратегия характерна для генеративной грамматики и генеративной семантики, «кинемики» К.Л. Пайка, стратификационной грамматики, лингвистики текста и др.

⁴ Тем не менее, порождающая генеративная грамматика Н. Хомского наметила выход из тупика системно-структурного подхода к языку через обращение к ментальности, субъективной реальности, хотя этот поворот не завершился обращением к действительному содержанию сознания, понятому как отражение объективной реальности. Н. Хомский предполагает, что язык обособляется от остальных схем познания в ко-

гнитивной сфере как самостоятельный модуль (автономная подсистема).

Список литературы

Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерки грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945. Ч. 1: Фонетика и морфология. 236 с.

Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М.: Наука, 1983. 262 с.

Гриб В.В. Проблема взаимосвязи образа и знака (на материале языкознания). Минск: Наука и техника, 1978. 168 с.

Кюнз Г. Онтология и логический анализ языка. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.

Ломтев Т.П. О природе значения языкового знака // Вопросы философии. 1960. № 7. С. 127–134.

Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969а. 214 с.

Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения. М.: Изд-во МГУ, 1969б. С. 5–54.

Общее языкознание / под ред. А.Ф. Супруна. Минск: Вышэйшая школа, 1983. 456 с.

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 202 с.

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 231 с.

Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.

Попович М.В. Философские вопросы семантики. Киев: Наукова думка, 1975. 301 с.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 312 с.

Эпштейн М. Слово как произведение: О жанре однослова // Новый мир. 2000. № 9. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html (дата обращения: 15.10.2015).

Benveniste É. Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966. Vol. 1. 635 p.

Peirce Ch. S. Collected papers of Charles Sanders Peirce / Ch. Hartshorne, P. Weiss (eds.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. Vol. 1.

LANGUAGE UNIVERSAL POTENTIALS IN THE SEMIOTIC ASPECT

Natalia I. Beresneva

**Professor of Philosophy Department
Perm State University**

In the paper universal potentials of language considered in systemic-structural (semiotic) aspect are analyzed. Language as a system of signs exists in form of an extremely complex hierarchical structure which is usually represented as a set of levels. From a limited number of lower level units (phonemes) by way of gradual transition to higher levels a potential of the highest level (the text) to form an infinite number of sentences is created. However, such schemes seem to be analogous to an endless count range. In comparison with potential quantitative infinity language in such a model is limited.

Key words: sign systems; language as a sign system; language structure; reality; infinity.